

Убасси С. Художник в аспекте проблемы "Восток-Запад": поэзия как дыхание : тез. ст. / С. Убасси // Вопросы поэтики К. Иванова : материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения поэта, 21-22 мая 1990 г. / Науч.-исслед. ин-т яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. — Чебоксары, 1991. — С. 161-166.

г. Чебоксары

С. УБАССИ

ХУДОЖНИК В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ «ВОСТОК-ЗАПАД»: ПОЭЗИЯ КАК ДЫХАНИЕ

(тезисы статьи*)

1. Чувашское *сăвă* (стих) является производным от глагола *сăв-//су-* (считать). Таким образом, понятие «*сăвă*» изначально несет в своих генах родство со значением «ритм» («ритмический порядок»→«счет», как абсолютное выражение порядка). Другое чувашское слово *семё* (мотив, мелодия, порядок) также проявляет отпечаток давней связи со значением «ритм».

2. Слова «ритм», «рифма» обнаруживают свое явное родство с понятием «ритуал». В древнегреческий язык они пришли из древнеиндийского; в котором «ритá» (*ritā-*)—обозначение перехода неупорядоченного хаотического состояния мира в упорядоченное. «Ритá»—закон законов Вселенной. В литовском языке (а это тот язык, который более других сохранил свои связи с общинноевропейским языком-праосновой) данное слово трансформируется в *rytas* (утро, восход): здесь налицо неприкрытая связь с понятием «восток» (утро-восход-восток). Данные этимологические ряды проявлены нами с тем, чтобы, доказать: стих всецело связан с энергетическим полем Востока, он — его порождение, его закон.

3. Стих, будучи в формах обрядового действия и выполняя роль закона, делает ставку на ритм. В этом плане симптоматично то, что в древней Индии стихотворные размеры даже обожествлялись. Так, в «Гимне Пурушу», содержащемся в «Ригведе», читаем: «Из этой жертвы полностью принесенной / Гимны и напевы родились; / Метры родились из нее, / Ритуальная формула из нее родилась». И что интересно, метр (основа ритма) рожден задолго до расчленения Пурушу.

* Общая постановка проблемы была предпринята нами в первой статье из данной серии «К. Иванов-Прта — М. Сеспель — А. Айги: личность в аспекте проблемы «Восток-Запад» (в кн.: Поэтика Сеспеля.— Чебоксары, 1991.— С. 138—167).

4. Каков механизм усвоения вселенских ритмов человеком? Здесь, очевидно, следует выделить две стороны действий человека: 1) приспособление к вселенским ритмам; 2) использование богоданного закона в созидательной деятельности. Нас интересует прежде всего вторая сторона деятельности человека.

Именно дыхание является для человека главным ритмообразующим фактором. При посредстве дыхания рождается слово. Слово, закрепленный в нем символ, предполагающий определенное обобщение (формализация знания, опыта) — основа созидательной деятельности человека, ибо все его поступки так или иначе связаны со словом. Вербальная деятельность человека реализуется исходя из физиологических особенностей дыхания — его возможностей.

5. В древнечувашских обрядовых текстах связь «ритм-дыхание» проявляется в двух аспектах: 1) аспект говорения; 2) аспект восприятия. Обратимся для иллюстрации к обрядовым текстам, записанным К. Ивановым-Прта. В наговоре «Тимёр чёлхи» (Наговор от пореза железом) повтор одних и тех же слов нагнетает ритм: «Ѕитмёл те ѕичё тинёс уттинче тэхлан ту, тэхлан тура тэхлан карта, тэхлан картара тэхлан пукан, тэхлан пукан ѕинче тэхлан пуслă хёр» (На острове за семьюдесятью семью морями оловянная гора, на оловянной горе оловянная изгородь, за оловянной изгородью оловянный пуган, на оловянном пугане дева с оловянной головой). Повторяемые слова — вначале *тэхлан* (оловянный), позже *кёмёл* (серебряный) и *ылтăн* (золотой) — разумеется, требуют все менее и менее *дыхательной энергии*, что значительно убыстряет ритм. Далее повторяются полностью конструкции-«вложения» («кёмёл ту, кёмёл тура...», «ылтăн ту, ылтăн тура...»). Каждая из конструкций построена по «принципу воронки», где нарастание ритма, создает *втягивающий эффект* — и чем ближе к «горловине», тем втягивающий эффект (темпоритм) убыстряется. И здесь дело не в механическом соотношении ударно-безударных слогов или же их уменьшении в строке-фразе, как следовало бы логически предположить, — дело в *освоенном слове*. Будучи категорией «нашего», это слово предполагает значительно меньше *дыхательной энергии*, чем слово еще не освоенное. Нагнетенное до максимального предела ритмическое напряжение снимается краткой рациональной конструкцией: «ѕавăн чухне пулё ѕак ѕынна суран» (лишь тогда поранен будет сей человек).

6. С точки зрения восприятия наговор действует следующим образом. Человеку свойственно стремление к *определенности*, ибо *определенность есть преддверие поступка*. Отсутствие определенности (когда проблема выбрана еще не решена и если видимое движение к этой определенности отсутствует) действует на человека угнетающе. *Знахарь-юмăс* использует эту закономерность, прокладывая маршрут от неопределенного к определен-

ному, заставляя затвердевать эту определенность и в плане использования однородных конструкций. Данный момент в архетипическом плане аналогичен эффекту лазера, когда энергия света, с большого пространства собранная в одно место в качестве тончайшего пучка, имеет неограниченную силу. Здесь *сбору энергии в «пучок»* способствует также нагнетение ритма. Слушая знахаря, мы подчиняем свое дыхание этой — поначалу чужой — силе. Будучи запрограммированными этим своеобразным ритмом, мы выпускаем «данайцев дар» в пределы «нашей Трои» и уже с нетерпением ждем слов, должных наполнить звучащий в нас энерго-ритм. Программирование наступает через приобщение нашего дыхания дыханию юмѧс.

7. Названные эффекты «воронки», «лазера» в семиотическом плане следовало бы иллюстрировать *моделью мира* или его вариантом *древом мировым*. Модель мира, на наш взгляд, находит замечательное в своей лаконичности выражение в песочных часах, где «горловина», отсчитывающая песчинки-секунды — это и знак рождения человека, и знак взаимодействия мужского и женского начал, и обобщенное выражение законов оптики, и, что весьма важно для нас, подлинная иллюстрация работы голосового аппарата человека!

8. Несколько иначе воздействуют на человека молитвы. Так, записанные К. Ивановым-Прта древнечувашские полевые моления лучше иллюстрировать другим вариантом модели мира — *кругом*. Здесь нет того нагнетания ритма; дыхание и ритм пребывают в состоянии величественного равновесия. То же характерно и для стиля поэмы-предания «Нарспи» (об этом подробнее в кн.: С. Александров. Поэтика Константина Иванова. — Чебоксары, 1990. — С. 158—153, 148—152). Тем не менее, есть определенная связь между энерго-ритмами наговоров, молитв и силлабикой «Нарспи». Дело в том, что во всех названных случаях действует *закон определенности*. Известный метр, ритм — это уже затвердевшая форма. Это знак Востока. Здесь поэзия реализует свою древнюю ритуальную программу. Однако реализация эта не полная, ибо часто та же молитва, в которой выражено безусловное восточное начало, ориентируется на человека Запада, для которого молитва — есть не стопроцентно приемлемый знак веры, но знак культуры (он многое подвергает сомнению, но в силу традиции принимает религию). Нечто подобное мы наблюдаем при восприятии народной поэзии, все тех же произведений К. Иванова-Прта. Эта потребность связана не просто с чувством ностальгии по древним корням, она подобна все возрастающему интересу к восточной медицине и философии. В основе восточной медицины лежит, как известно, *искусство дыхания*, которое и должно принести в человека чувства равновесия и покоя. Этой же причиной объясняется интерес к фольклорным (восточным) традициям. Постоянство сил-

лабики—словно «массаж души», дыхательная гимнастика, способная снять стрессовое состояние. Это сладкий бальзам *родового корня*, накладываемый на изнывающую от расщеплений-разрывов душу человеку, отступившему от веры в Восток, то есть от веры в Бога.

9. И если легенда о перволюдях — условный ключ, способный приоткрыть проблему эволюции «Восток-Запад» (данную гипотезу мы выдвинули в первой статье), то, развивая метафору, выскажемся так: наши путники, оторвавшиеся от родовых (восточных) истоков, отступили от законов вселенского ритма: их дыхание (читай: существование) не просто прерывисто, оно неоднородно, непостоянно. Силлабо-тоника в чувашской поэзии была вызвана к жизни нарастанием индивидуализма в начале века, она позволяла более гибко реагировать на функционирование расщепленного сознания поэта, на рефлексии его чувства, предлагая многообразные ритмы (размеры). Для человека, призванного творить Словом, единицей измерения ритма обязано быть дыхание, что в определенной мере ограничивает возможности новой стихотворной формы. Эта поэзия, выработав свои каноны, становится не менее ритуальной, чем поэзия силлабическая, что в громадной степени проявилось уже в творчестве ее родоначальника и теоретика — Сеспеля.

10. Верлибр Айги — путь по пересеченной местности; когда вслед за поэтом мы приспосабливаем наше ритмо-дыхание к особенностям рельефа его Пути. Но такое ощущение, что это не мы приспосабливаем наше дыхание, а оно само приспосабливается по неведомым нам законам природой саморегуляции.

Что же поддерживает силы Поэта, столь отважно пустившегося на покорение западных просторов? Айги не просто обращается к Богу, он открывает творения его духа во всем окружении. Он мыслит языком архетипов и становится способным понять явления, состояния, на первый взгляд, совершенно не соотносимые один с другим. Каждое из них — таких явлений (к примеру, «свет» и «звук») — способно излучать *свою* особую энергию ритмо-дыхания. Отсюда они и непонятны одно другому. Поэт синтезирует в Себе, в своем «Я» языки непримиримых и несоотносимых явлений, превращая их голоса в хор голосов, и мир свой превращая в со-бор. И это согласие Запада с восточной верой рождает гармонию Духа, соборную гармонию ритмов верлибра Айги.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Международной конференции, проводимой Институтом мировой литературы АН СССР совместно с Научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской республики, посвященной 100-летию Константина Иванова, участвовало более 300 ученых из различных регионов СССР, а также ученые, писатели, члены правительства из Венгерской Республики, Болгарской Республики, Германии, Франции. Конференция работала два дня — 21 и 22 мая 1990 года. Пригласительные билеты, программа, другая документация были выполнены на трех языках — чувашском, английском, русском. Выступления по просьбе участников конференции в основном делались на понятном для основной массы присутствующих русском языке. Выступления на чувашском языке сопровождались русским резюме.

В первый день работы конференции состоялось пленарное заседание, после которого участники форума продолжали работу по секциям. На заседании к участникам конференции со вступительным словом «К. Иванов и наше время» обратился директор ЧНИИ доктор экономических наук, профессор С. Р. Малютин. Лауреат многих европейских премий и Государственной премии им. К. Иванова-Прта 1989 года чувашский поэт Г. Н. Айги выступил со «Словом о Поэте»; проблеме формирования личности в наследии К. Иванова-Прта посвятил свой доклад известный чувашский академик АПН СССР, доктор педагогических наук Г. Н. Волков; о роли наследия поэта и взаимодействия культур народов мира СССР шел разговор в докладе доктора филологических наук, старшего научного сотрудника ИМЛИ АН СССР Л. И. Залеской; заслуженный художник РСФСР Праски Витти (его иллюстрации-интерпретации творчества Иванова-Прта украсили афиши, программы, пригласительные билеты) выступил с докладом «Мифологический мир «Нарспи» глазами художника»;

с докладом «Художник в аспекте проблемы «Восток—Запад»: К. Иванов-Прта — М. Сеспель — Г. Айги» выступил кандидат филологических наук С. А. Александров (Убасси).

Во второй половине дня работали 4 научные секции: «Национальное своеобразие творчества К. Иванова-Прта и вопросы взаимосвязи культур народов СССР» (руководитель кандидат филологических наук В. П. Никитин-Станьял), «Вопросы поэтики и семиотики творчества К. Иванова-Прта» (руководитель С. А. Александров), «Идейно-художественное своеобразие творчества К. Иванова-Прта» (руководитель кандидат филологических наук Ю. М. Артемьев), «Методика преподавания творчества К. Иванова-Прта в учебных заведениях» (руководитель кандидат филологических наук М. И. Скворцов).

22 мая состоялось второе пленарное заседание, на котором был заслушан доклад кандидата филологических наук Г. Я. Хлебникова-Шанар «К вопросу о методе поэмы «Нарспи», подведены итоги работы конференции.

В общей сложности на конференции прозвучало более 70 докладов и выступлений. Часть этих материалов опубликована в сборнике «Творческое наследие К. В. Иванова» (Чебоксары, 1990), другая находит отражение в данном сборнике.

Международная научная конференция приняла рекомендации следующего содержания:

1. Проводить ежегодные научные чтения, посвященные исследованию творчества К. Иванова-Прта.

2. По результатам конференций (чтений) регулярно выпускать научные сборники.

3. Вернуть истинный облик родовой усадьбе поэта.

4. Просить ускорить установку памятника поэту в г. Чебоксары.

5. Считать необходимым издание:

- а) немецкого перевода «Нарспи» (переводчик В. А. Иванов);

- б) научной биографии К. Иванова-Прта;

- в) сборника текстов фольклора слакбашских чувашей.

6. Выпустить различные популярные издания, дидактические материалы (сборники, альбомы, диапозитивы, фонохрестоматии, видеофильмы и др.) для использования в учебных заведениях.

7. Считать необходимым восстановление комнаты К. Иванова-Прта в здании бывшей Симбирской учительской школы, воссоздание ее интерьера периода проживания в ней чувашского поэта.

8. Провести работу по созданию координационного совета литературоведов и искусствоведов Поволжья и Приуралья.

9. Считать необходимым усилить пропаганду деятелей чувашской культуры в республике, стране и за рубежом.